

Путь к Богу

Пандемониум

Мари Панар

Мари Панар

Путь к Богу. Пандемониум

«Издательские решения»

Панар М.

Путь к Богу. Пандемониум / М. Панар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932973-8

История опуса описывает нисхождение духа в Ад, населенный демонами, некогда описанными в Ветхом Завете и Лемегетоне. На пути к Богу духу необходимо добраться до Чистилища, одолев Дьявола. Преодолев девять кругов Ада, герой столкнется с 7 смертными грехами — со своей теневой стороной. Опус соединяет в себе идею 9 кругов Ада Данте, мораль Потерянного рая Мильтона и факты Битвы сынов света и тьмы, описанные в Кумранских свитках, повествующих о реальной исторической войне «ангелов и демонов».

ISBN 978-5-44-932973-8

© Панар М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Песнь I	7
Песнь II	9
Песнь III	11
Песнь IV	13
Песнь V	15
Песнь VI	17
Песнь VII	19
Песнь VIII	21
Песнь IX	23
Песнь X	25
Песнь XI	27
Песнь XII	29
Песнь XIII	31
Песнь XIV	33
Песнь XV	35
Песнь XVI	37
Песнь XVII	39
Песнь XVIII	41
Песнь XIX	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Путь к Богу Пандемониум

Мари Панар

© Мари Панар, 2018

ISBN 978-5-4493-2973-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

История опуса описывает нисхождение духа в Ад, населенный демонами, некогда описанными в Ветхом Завете, Лемеетоне и других древних источниках. На пути к Богу духу необходимо добратся до Чистилища, преодолев девять кругов Ада, где герой столкнётся с семью смертными грехами, – лицом к лицу со своей теневой стороной, – в образе семи архидьяволов во главе с Люцифером.

Опус соединяет в себе идею девяти кругов Ада Божественной комедии Данте Алигьери и мораль Потерянного рая Джона Мильтона, также включая в тексте факты Битвы сынов света и тьмы, описанные в Кумранских свитках, найденных в 1947 году в пещерах Кумрана неподалеку от Иерихона в Иудейской пустыне и являющихся религиозной реликвией, повествующей о реальной исторической войне «ангелов и демонов».

Читатель отправится в Пандемониум вместе с героем повествования и познает тайны мироздания, побывав в его «шкуре», ведь главный герой обезличен и не имеет имени. Такое ментальное путешествие считалось философами древности погружением в глубины подсознания личности, способным привести человека к разрешению внутренних конфликтов и психосоматических проблем, вот почему данный труд может дать прочитавшему его ответы на многие личностные вопросы, касающиеся жизни в целом.

Текст, написанный в стиле «сюрреализм» в поэзии, наполнен аллюзиями, скрывающими в нем множество противоречивых загадок, которые каждый читатель интерпретирует для себя в соответствии со своим мировоззрением. Стихи были написаны автором автоматическим методом письма – без исправлений. В тексте были использованы приемы нейролингвистического программирования, что вселит чувство трепета в душу читателя.

В процессе написания данной книги автор объехала множество стран с целью углубления в историю религиозного наследия ныне живущих рас и поиска «философского камня», посетив старейшие храмы ныне известных религий, являющиеся точками мирового паломничества.

Во время работы над опусом, история которого берет начало в городе Сарагосе, автор посетила этот оазис посреди испанской пустыни и прогулялась по старой части города с ее уютными европейскими улочками. В самом сердце исторической части города возведена величественная Базилика Богоматери Пилар, являющаяся одним из самых больших и старых соборов Испании и вселяющая трепет мощью и изяществом архитектуры, исполненной в стиле средневекового Барокко. Центральная колонна собора, увенчанная статуей девы Марии с ребенком на руках, еще помнит слезы скорбящей Европы в самые трудные пережитые ею века, и молча повествует об этом посетителям. Поднявшись на колокольню Собора девы де Пилар и взглянув на город и воды реки Эбро с высоты птичьего полета, автор прониклась атмосферой старого исторического центра столицы Королевства Арагон, отразив ее в представленном труде.

Спустя два года трудов, из-под пера автора вышел опус, соединяющий в себе единую философскую истину, о которой издревле говорили люди на разных языках. И эта истина, основанная на изучении древнейших источников философии нескольких мировых культур, будет обнародована автором в серии книг, состоящей из трех частей: «Путь к Богу» Пандемониум, «Путь к Богу» Пургаториум и «Путь к Богу» Элизиум.

Песнь I

Врачеватель чумы стоит на перекрёстке эпох.
Смрадный запах витает в отравленном воздухе.
Птичий клюв позволяет сделать наполненный вдох.

Не остановить вопль чумных ладану в его ухе.
Красные линзы глазниц насыщают багрянец крови.
Покрывают гниющую плоть жужжащие мухи.

Страждущие стонут, исказив гримасой брови.
Бездушный чумной доктор – ангел смерти —
Жертв мора спасти призван от нестерпимой боли.

Свалены в трупные кучи старики и невинные дети.
Выгрызают кишки их пресытые толстые крысы.
Из закоулков выглядывают инфернальные черти.

В стенах крепости подошли даже последние псы.
В гниющих останках тонет прокаженный город.
Столпы крематорного дыма изнутри выжигают носы.

Больные столпились у закрытых карантинном ворот.
Гиблой участи не избежать привилегированной знати.
Пандемия бубонной чумы уравнила богачей и народ!

На лазаретных шконках скелеты в изъеденной плоти.
На простынях остаются с кусками кожи их волосы,
Гноятся их чёрные персты и отслоившиеся ногти.

Держат пленных каменные стены Сарагосы...
Король бежал на Восток, гонимый чумным ветром,
Закрыв на гражданской войны и мора ужасы.

Спасся в Валенсии, укрытый царским «шатром».
На волю судьбы бросил своих верных подданных,
Потерявших связь с политическим центром...

В сумерках клюют вороны останки тел раскиданных,
Колокольни оплакивают путь люда в Чистилище,
Взывая к всепрощению Богу преданных...

Изъедено язвами тело – души вместилище!
Всех не отпеть единственному священнику.
Очистит от мусора город лишь тотальное пепелище!

Здесь проповедь Папы не остановит панику.
Призрак надежды испарился с бубонным поветрием.

Исповедаются смертники доктора птичьему лику,

Взявшему крест, оправданный людским доверием.
Отпускает он грешникам грехи их посмертно,
Неуспоенные души успокаивая смирением...

Под маской скорби лицо его совсем незаметно.
В ветхих стенах он единственный «царь» и «бог»!
Летопись чумного врачевателя бессмертна...

Под маской скрывается вездесущий пророк!

Песнь II

Гниющая Европа утонула в скорбных слезах!
Завывает беспрестанно неумный поминальный плач
Плакальщиков, чья родня лежит в труповозах...

Никто не в силах помочь – ни Бог, ни врач.
Не спасись никому от косы бубонного мора!
День придет, и в твою дверь постучит палач!

Ее не открывая,пустишь жизнью безжалостного вора.
Познаешь муки заживо снедаемой человеческой плоти.
Тогда и твоё тело окажется среди трупного сора...

Столько падали из города вовек не вывезти!
Цитадель превращена в общинный склеп
По Божественной иль дьявольской прихоти...

Глаз народа теперь к состраданию слеп,
Глас поминальных песен жестоко-сердечно нем.
Пронизывает мудрый змей глазницы и череп...

Лежат на улицах окоченевшие туловища – камнем.
Столица Арагона превратилась в братское кладбище.
Обглоданные червями кости поросли плюща плетнем.

Для падальщиков превращен город в пастбище.
Мерещится будто весь этот ад – забвенная сомния...
Мученики здесь нашли последнее пристанище!

Заблудшие души – несчастные жертвы верования,
Цепляют Харона на переправе чрез Ахерон за рубище.
Столпившись у пологих берегов реки забвения,

Напоминают паломников неприкаянное сборище,
Тщетно ищущее отпущения грехов и смирения,
Ведь не попадут души непогребенных в Чистилище!

Бесмысленны и бессильны к старцу воззвания.
Поглотит души адское пламенное пожарище.
Все эти стоны лишь пустозвонные толкования.

Не увидеть вовек мученикам трехглавое чудовище,
Не попасть им, не пробраться в Элизиум.
Вся процессия напоминает кровавое побоище!

Стоит обездвижено доктор, – узник мрачных дум,
Созерцающая пандемией притворенные в жизнь откровения.

Затуманен трупным запахом его отчаянный разум...

Всадники Апокалипсиса скачут, кая людей без сомнения.
Кровавая жатва черного мора наполнила свои житницы,
Вызвав шквал повсеместных бунтов и народного волнения...

Урожай зерна погиб, остановив ветреные мельницы.
Голодомор опустошил животы чревоугодников и хлева...
Тлеют члены трупов, уложенных в бесконечные вереницы, —

Смерть пожинает гнилые плоды чумного посева!

Песнь III

Перо Церемонный стал в Валенсии пленником титула.
Арагонская уния устроила на короля гонения.
И «корона» вновь, как крыса, с тонущего корабля сгинула.

Подавлены были в Арагоне народные волнения.
Лишь чудом улизнул король от цепких лап предателей,
Преследуемый врагами с целью политического убиения.

Королевскими силами разбита коалиция «карателей».
Гражданский бунт был ожесточенно подавлен, —
Заткнуты были рты оппозиционных увещателей.

Последними солдатами Арагон в руинах оставлен.
Сторонники коалиции копьями были заколоты,
Но источник вод был трупным ядом отравлен...

Последние союзники Арагонской унии казнены!
Королевская власть вновь воцарилась в Сарагосе!
Отрезанные головы на посмешище выставлены!

Валяются гниющие тела на полях словно пугала на покосе.
Печать отверженности еще пожирает людскую плоть, —
Мучительная смерть несет споры холеры на своей косе.

Вскрытый бубон как раскаленная игла под ноготь,
Лечение не поможет в условиях антисанитарии!
Нарывы и язвы изъедают человеческую «мякоть».

Падет Арагон от чумы, как Рим «пал» от малярии?
Аверс и реверс смотрят отныне в одну сторону!
Високосный год собрал жатву в Валенсии.

Не удалось захватить власть мятежному «барону»!
Всадник войны помчался на Юг с реконкистой,
Вернув поводья колесницы Арагона монаршескому трону.

Перо поставил королевскую армию на простой...
В столице заболочены все колодцы помоями.
Всадник мора покарает люд без воды чистой...

Мошкара копошится и сбивается в тучи роями.
Вши жадно вгрызаются в плешивые волосы.
Город в «пожаре», освещен кострищ огнями, —

Изуродованные тела сложены в тлеющие конусы
Будто жертвенные костры для подати ненасытным богам.

Колонны дыма преклоняются пред ветром, как колоссы.

«Свечи» из трупов тают подобно пылающим сена стогам.
На Востоке зиждется первый свет, сравнимый с надеждой.
Пылающие языки костров подобны дьявольским рогам.

Горящие углями глазницы испускают испепеляющий зной.
Из изъеденного чумой города сбежали последние крысы.
По долине Эбро разносится отдаленным эхом волчий вой.

Рассвет утопил усеянные костями поля в дожде из росы...

Песнь IV

Опустевшие стены монастыря огласил истошный крик.
Молящий о помощи стон отразился многоголосым эхом.
Из-за угла коридора тенью проскользнул птичий лик,

Уловивший призыв о помощи чувствительным слухом,
Марширует по коридорам, жуя пахучий чеснок.
Признан он священнослужителями истинным волхвом.

Трость в его руке, как змея яд, скрывает острый клинок.
Чумные в припадке ни раз нападали на него со спины...
На лазаретной койке умирает невинный ребенок.

Истлевают отрок, как личинка в куколке, и нет его вины.
Покрытый черными язвами, томится в адской агонии,
В усталых глазах надежда и вера слезами отражены.

Малолетний араб – наследник кровей Мавритании,
Был укрыт в пристанище «противного» чужеродного Бога.
Христианский кров приютил нуждающегося в сострадании...

Когда всевластного Папу обуяла чумная тревога
За истлевающее заживо католическое монашество, —
Разложившихся монахов сжигали как «житные» стога!

От этих проклятых мест отвернулось всякое божество, —
Европа обернулась в карантинную зону, изрытую могилами.
Всадники Армагеддона оживляют библейское пророчество!

Благословение не вернуть ни жертвами, ни молитв силами.
Бог объявил Инквизицию в честь священнослужителей, —
«Чистые» души монахов покрыты бубонными нарывами!

В тот день Ватикан благословил на подвиги врачей-врачевателей,
Наделив их правами вершителей судеб, освятил Заветом.
Ни слова против не произнес никто из уничижителей!

Монастыри зареклись святым богословским обетом:
«Не укрывать больных страждущих «кресту» во вред,
Не отпевать праведников для воссоединения со светом!»...

«Отродье» провалилось в лихорадочный бред,
Символ птицы не спугнул навязчивую болезнь!
На простынях остался лишь кроваво-гнойный след.

Отпустила ангела из тисков боли молитвенная песнь,
Сделав еще один невинный дух заблудшим вовек!

Миротворная смерть лучше, чем истязаящая казнь...

Потерял свою ценность в сущем кошмаре любой человек,
Темные времена опустились на королевский дворец.
Альхаферия не знает больше чистых устьев рек...

Ангелы Откровения неумно трубят в горны времен конец!

Песнь V

Стрелка на циферблате старой часовни указала полдень.
Площадь Богородицы Пилар оголила потайные ходы,
Укрыв в закоулках безликую мрачную тень.

В стенах цитадели не осталось чистой воды!..
Соборный колокол пробил последний гулкий удар...
Ни одна повитуха не принимает больше роды, —

Обремененность чрева в смуту – проклятье, а не дар!
Испепеляющее солнце иссушило испанскую землю, —
Сюда теперь не сунет носа даже дикий варвар!

Сокрушение Унии дало надежду спасшемуся королю
На возрождение «феникса» – Арагона из пепла!
Из «древа жизни» лишь пламенем можно выжечь тлю...

На окраине в жертву община принесла козла, —
От голодомора он бы все равно не помог, —
Всяк вхож узрит череп на острие обрядного кола!

Хозяин захудалого двора не в шутку занемог, —
От кары всадников Ада не сбежать даже невинным!
От этих мест отвернулся и языческий, и христианский Бог!

Время тянется и ощущается невероятно длинным.
Небосвод вновь горизонтом стирает уходящий день.
Время лекаря без пациентов кажется беспричинным...

Понурый стан врача скрывает древа прохладная сень.
Бросает лицо под маской птицы то в жар, то в холод, —
Чума въелась в слабое тело словно бубонная плесень!

Пульс отдается эхом, будто о наковальню бьет молот.
Лик птицы не отпугнул от него «злой дух» болезни, —
Сгинет он, как и другие, в вязкой топи трупных болот!

Судьба его строит супротив жизни смертельные козни.
Удушающая маска в лихорадке им сорвана с фаса:
«Все проповеди Ватикана о спасении лишь рассказы!»

Не унять Папе народного возмущенного гласа!
У избежавших смерти, чума вырвала сердца и души.
Зрячий в этом ожившем кошмаре отдал бы слезу глаза!

В волосах копошатся и кусают проклятые вши!
Провались все пропадом! Обрету свободу, умерев!

Чтобы не слышать лживых речей, глухому отдал бы уши», —

И лекарь прильнул к стволу столетнего дуба, остолбенев...

В рассветных сумерках его нашли на том же месте, —

Уходя в одиночестве, присел под кроной и уснул, окоченев.

Близ богадельни сборщик трупов узрел его нагого и в кресте,

И, поместив иссинившую остывшую статую в обоз с телами,

Увезли никогда доктора на лесную опушку, и, забыв о Христе,

В чумной братской могиле без гроба зарыли лопатами...

Песнь VI

Полоса сумеречного горизонта проявилась сквозь веки.
Проснулся лекарь! Теперь он – заблудший дух в Аду,
Замкнутый не отпетым в темнице Пандемониума навеки!

Очнулся в мрачной чаше на земле в агоническом бреду
Нагой и замерший, – не осталось даже нательного креста!
Осознание тут снизошло, – попал он в безнадежную беду!

Для неуспокоенной души нет страшнее и ужаснее места!
По этому лесу бредут толпы неприкаянных покойников
В сторону реки забвения под редкие удары благовеста...

Так начал свое путешествие в Ад лекарь среди грешников.
По справедливости, иль проведению сюда он попал?
Бредет дух к реке Ахерон, став одним из «паломников».

На него неопишутый и всепоглощающий страх напал
За несчастную его – «прокаженного» судьбу в недрах Ада.
Потухла жизни светоч, – не разожжет теперь и Аида запал!

Здесь, в гниющей обители разложения и смрада,
Картина не так ужасает, как страсти, оставленные в миру,
Где царит процесс духовного и телесного распада!

В несправедливом мире том играет на чумном пиру,
На фоне страждущих и утомленных земной жизнью,
Красавец Аполлон, нежно обняв свою любимицу – кифару...

Умиравший вдовец выбросил мертвую чумную свинью
На зло соседям близ Арагонских Пиренеев, —
У горного пика Ането, в речного устья полынью...

В Европе мрут как мухи короли на радость их лакеев!
В том мире нет никакой нужды, ведь хуже он любой войны.
Посмертная судьба праведников не лучше, чем злодеев!

Разве те, кто посвятили жизнь Богу, такой доли достойны?
Этот вопрос остался бы для разума непостижим,
Если б не дух, кто в муках адских, способен открыть тайны.

Тот дух, которому в Элизиум путь пока недостижим, —
Постигнет мудрость рождения и смерти в Преисподней, —
Он идеей познать истоки мироздания одержим!..

Не сосчитать более мученикам Ада серых дней, —
Время и пространство здесь ирреально искажено.

Тонут души в сгущающейся тьме бесконечных ночей.

В кривом зеркале безликое существование отражено
Этих несчастных, что попали в первый адский круг,
Их остаточное сознание ядом змея за грехи поражено.

Какая несправедливость, что лекаря истошил недуг!
Он поднялся с колен и побрел за остальными мертвецами.
Его не мог остановить даже всепоглощающий испуг!

Во второй круг бредут тени с опущенными лицами...

Песнь VII

Паноптикум вобрал в себя все соки благородных кровей.
Здесь собрались и праведники, и блудливые грешники, —
Все те, кто стали в миру живых кормом для червей!

В чертоги дьявола низвержены и божеские приспешники, —
Получив несправедливое наказание, потеряли всякую веру,
А грехоупадшие бормочут им укоры словно пересмешники...

Юстиция выронила из весов справедливости меру, —
Правосудия не знают обреченные на томление в хаосе
Духи, погруженные в бурлящую смрадную серу!

Утопают крики отчаявшихся мертвецов в стенающем глазе.
Лимб стал пристанищем для праведников некрещеных!
Орут и изнывают они в припадках, от судьбы своей в ужасе.

Их неутомимый бич – скорбь против Христа обращенных.
Ни чувств, ни боли они не ощущают, лишь неумная печаль
Отражена в глазах их, светом пламени Ада освещенных...

Средь тех изнеможенных скорбью душ брел лекарь вдаль,
Сгущающуюся мраком к реке, полной мертвыми водами,
Неся для Харона под языком монеты медяной медаль.

Добрался дух до Ахерона, где неуспокоенные скорбят годами,
И, завидев Харона утлый челнок, ринулся к нему с уплатой,
В надежде все же свидеться с своими кровными родами.

Лекарю повезло, – его отпел поп в связи с утратой.
Харон, отпрянув, принял за переправу уплаченную дань.
Взамен забрав медяную монету, не требуя златой!

И сжала гнилое весло костлявая старческая длань,
Сдвинув ладью в направлении противоположного берега...
Наконец дух завидел вдалеке призрачную пристань,

И обуяла его всеобъемлющая трепетная тревога.
Сойдя на твердь, он очутился в эпицентре бури,
Которая лишь для царя Миноса истинная нега!

Здесь все покрыто мглой и не видать в веках зари.
Суровый, но справедливый Минос осуждает грешников,
Поддавшихся сладострастию плотской похоти и дури!

Врач, осознав себя на перекрестке двух кругов,
Предстал пред взором строгим судьи Миноса,

Окруженный грешным шепотом пересудов.

Исполин, обвитый змеиным хвостом, взглянул искоса,
Готовый огласить чумному доктору карательный приговор,
Оглушая громом бушующую пустыню, изрек вполголоса:

«С тобой, врачеватель мора, особый будет уговор, —
Ты отправишься в девятое адское кольцо!
Наведавшись в всевластного Люцифера собор,

Познаешь суть смерти, узрев дьявола истинное лицо».

Песнь VIII

Так судья Минос изрек свой беспрекословный вердикт,
Посулив по достижению цели пропуск в Чистилище!
Укутался в девять змеиных колец и ушел, умаляя конфликт.

Когда-то на седьмой круг осудил он свое грешное детище —
Минотавра, охраняющего степи, населенные насильниками.
Существо, что имеет морду тельца и человеческое туловище!

Сторожащее три пояса: и Лес самоубийц с его висельниками,
И Флегетон, где тираны кипят под надзором кентавров,
И пески, где святотатцам не спастись молитвенниками...

Итак, стоящий в полном мраке, не помня света канделябров,
Чумной доктор усвоил царя Миноса нерушимый указ, —
Направляться в бездну, где верный спутник – ночи покров.

Держа тернистый путь, он станет жертвой демонских проказ.
Так думал он, ступая неуверенно в бушующей тьме.
Он знал, что вечным томлением в Аду заплатит за отказ!

Так начал лекарь путь свой к дьявольской тюрьме,
Ведомый мыслью о достижении Элизиума в конце концов,
На этом пути не остановить его ни одной «ведьме»!

В каждом круге Ада готов он встретить грешных праотцов,
Ибо Пандемониум кишит духами, чьи имена в веках:
И тех покойников, в чьих склепах не счесть славы венцов,

И тех преступников, что жизнь провели в скитаниях и бегах.
О! Грешных и заблудших душ здесь не сосчитать вовеки!
И множится рой их, пока чума собирает жатву душ, в стогах

Жженных христианским погребальным традициям вопреки.
И вот, дух в прошлом лекаря понес его понурый стан
Прочь от зловонной заполненной трупами скорбной реки...

«Как преодолеть Ад, который населяет демонов клан?», —
Так думал он, следуя к границе третьего кольца, решив,
Что судьбу его духа спасет девяти кругов Данте план.

Чем ближе подходил он, тем более сгущалась тьма, ухудшив
Без того ограниченное непроглядным туманом обозрение...
Буря выпустила его из тисков ветра, землей запорошив,

Близ перехода на третий уровень Ада обрел он прозрение,
Попав в бескрайнюю долину, где замкнуты чревоугодники.

Столкнулся он со стражем, не выразившим ему презрения!

Прожорливые морды Цербера – Химеры наследники,
Бдительно блюдут вход пламенеющего Пандемониума,
Изъедая и глотая души, если пытаются вылезти грешники.

Остальные же гниют вечно на солнце, от боли без ума!
Эти кары лишь начало адских изощренных мучений, —
Затем их ожоги истязают проливные дожди изо льда.

Так ненасытный зверь пропустил скитальца без нападений!

Песнь IX

Отшельник следовал к равнине с упорством храбреца!
Пристанищем стала она для жадных жмотов и скупцов,
Которые в обе стороны толкают валуны, споря без конца.

Там надзиратель – Плутос, блюдуший алчных наглецов, —
Сын Деметры, известный с древности богатства бог,
Был свергнут в четвертый круг как один из скупых глупцов.

Двигаясь глубже в бездну Ада, духу было не счесть дорог.
Он шел изнеможенный, ведомый на искупление надеждой,
Путь его тернистый в лоно Ада казался бесконечно долог...

Все глубже путник тонул в думах, ощущая себя невеждой,
Пытался вспомнить карту Ада и имя следующего стража,
Боясь быть встреченным на границе неприступной враждой!

Там те, кто в гневе пронзил сердце «брата» по рукоять ножа.
И, подходя к Стигийским болотам, завидел в топях бунтарей,
За буйством коих наблюдал Флегий с захудалого челна...

Царь – сын Ареса, за гнев был свергнут в Ад. Средь дикарей
Завидев странника, он окинул его уличительным взглядом.
Некогда царь – теперь демон меж гневных «зверей».

Опустив глаза, врач вспомнил все грехи, проходя рядом
С пугающей фигурой яростного смотрителя пятого круга.
Был злобным криком оглашен, и окроплен слюны ядом:

«Я – Флегий, верный всевластного в Аду Дявола слуга!
Как смеешь ты, – пришлый, бродить в моих владениях?
Неужто позабыл ты все грехи и требуется тебе услуга?

И, столь смел ты в дерзновенных поползновениях?
Я чувствую нутром, – ничтожный дух не знает раскаяния.
Иль твоя греховность вовсе не порок в твоих видениях?!

Иль душонка твоя испачканная не жаждет покаяния
Пред Богом, что когда-то низверг и нас без жалости в Ад,
Испытывая на падших серафимах кары воздаяния?

Здесь первый из восставших выстроил из Хаоса град,
Чьи стены возведены из человеческих костей,
Что держит и терзает души грешных без преград.

Тут собрались демоны и нечисть всех рангов и мастей,
Они лишь служат стражами кругов Ада и карателями,

Низвергнутые в Преисподнюю со всего света частей!

Заполнено собрание святотатцами и Бога предателями.
Лишь тех души пропущены могут быть в Пургаторий,
Кто в избавлении своем от греха признан старателями!

И лишь оттуда возможно достичь Элизиума территорий,
Где райское пристанище для преданных рабов Божьих.
Божий дом, описанный на страницах библейских историй,

Достижим соблюдением религиозных канонов строгих!».

Песнь X

Так молвил Флегиас – паромщик, злопыхающий гневом.
И, прознав приговор Миноса, принял лекаря на челнок,
Направив корму ее в сторону стен города Дита с ревом.

Несмотря на то, что облик Флегия был нестерпимо гадок, —
С ним в сравнение шла лишь его гнусная дерзость, —
С веслом старый демон топей был весьма ловок,

Отталкивая им со своего пути осужденных за леность,
Скрипел и скрежетал зубами с покосившейся гримасой,
Выражающей всю силу и мощь кары за гневность.

Паромщик двигал к обрыву ладью, навалившись массой
На веслице, нехотя исполняя указ судьи Миноса
О доставлении духа к краю болота, водоворотов полосой

Отделяющему Стигийские топи от прогнившего пирса,
Пристающего к стенам пламенеющего города Дита,
Ставшего для еретиков символом раскаяния и ужаса.

Наконец, «удостоился» призрак врача к фуриям визита.
Спустившись осторожно в подземелье – в шестое кольцо,
Сквозь узкий проход в месте, где стена была разбита.

Разбросанные возле валуны заменили крыльцо...
В потемках меж корявых ветвей вспыхнули глаза,
И медленно проявилось завораживающее красотой лицо.

Приближаясь в ночи, проявляло пучок змей вокруг образа,
Обвивающих лик и спадающих на плечи вместо волос.
С шипящими выпадами их пастей приближалась угроза!

Обвороженный путник застыл как вкопанный, услышав голос,
Обволакивающий гипнотическим мелосом сознание.
Огласил он, шепнув на ухо пришлому замысловатый вопрос:

«Я – Мегера, хочу знать, ты, человеческое создание,
Почему проник в чертог мой своенравно и нагло?
Иль жаждешь ты познать здесь истинное страдание?».

Прокричала эриния последнее слово, что слух обожгло,
И сверкнула в бешенстве клыков озверевшим оскалом.
Все же наказание ее бича духа доктора не постигло.

Лицо фурии в момент состарилось и исказилось гневом.
Услышав вердикт Миноса, издала оглушающий клич

И взмыла, рукокрылая, в непроглядную высь орлом.

Оттуда было слышно, как хлещет грешных с визгом ее бич.
И голоса ее сестер Алекты и Тисифоны доносились вблизи.
Проглядывались духи лжеучителей, поваленные навзничь,

Завязшие в пылающих могилах, что в густой грязи
Утоплены, черной и смрадной, в недрах шестого круга.
Те, кто ересь в массы нес, маются в раскаленной вязи...

Так путник преодолел свидание с фуриями в агонии испуга!

Песнь XI

Шел дух скитальца без оглядки, гонимый страхами.
Осознал он себя на опушке мертвой глухой чащи,
Окаймленной по кругу зловонными кипящими рвами.

На другом берегу мечется Минотавр в поисках пищи, —
Страж Флегетона, – осужденный сын царя Миноса,
Не сумевший найти достойное применение своей мощи.

Путник увидел сквозь мглу непросветную мост на краю леса,
Ринувшись через переправу на встречу рогатому чудовищу!
Но тухлявые мостовые канаты не выдержали перевеса.

В тот миг дух осмыслил: «Лучше бы не покидал я рощу!», —
Вися над лавой и держась за оборванный канат, —
«Надеждам на искупление конец, если веревку отпущу!».

Висит ослабший из последних сил, руки его уже дрожат.
Подтягиваясь, взбирается на твердь близ Флегетона,
Скованный в движениях страхом, что стропы не выдержат,

И он потонет, камнем уйдя на дно злоуханного затона,
Оставшись там в грехах вариться на веки вечные
Средь продажных блудливых епископов несметного легиона.

Те, кто были к Богу и христианскому учению беспечные,
Отбывают свою кару, клейменные «крестом» Антихриста, —
Изнаывают вероотступники, испытывая муки бесчеловечные.

Размышляя об этом, дух подтянулся к основанию моста
И отчаянно взгромоздился на твердую поверхность обрыва.
Оглядевшись, осознал, – пустошь пояса Флегетона не пуста.

Избежав в зловонный ров безвозвратного позорного срыва,
Узрел дух бешеного быка в низкой агрессивной стойке,
Роющего копытом и парящего ноздрями от ярого порыва.

Заметил духа Минотавр благодаря своей звериной чуйке,
И, охраняя подвластные ему территории, мифический страж,
Готовился к атаке, – никто бы не поверил этакой байке.

И сорвался с места словно с цепи, наступая на абордаж.
Дух врачевателя в смятении не мог сдвинуться с места,
Но в последний момент увидел в стороне узкий пассаж.

И ринулся туда, где местность наиболее камениста,
Чтобы скрыться от навязчивой погони демона-быка.

Но, выбежав к реке, оглушен был кличем визжащего свиста!

Чудом избежав участи быть насаженным на острие клыка
И на не менее острые клинки метровых рожищ,
Вышел к реке, узрев как Кентавры стреляют, когда горемыка

Вылезает из закипающей реки среди несметных полчищ
Духов, что при жизни были тиранами и насильниками,
А теперь – легион седьмого круга меж разбойников сборищ,

Преисполненных всех мастей убийцами и преступниками...

Песнь XII

Путник, был замечен одним из диких Кентавров!
В тот же момент дождь отравленных охотничьих стрел
Обрушился на врача, став лишь началом маневров.

Путник, присев за валун, едва увернуться успел!
Как только последняя стрела ударилась о каменный уступ,
Ринулся в узкое ущелье со всех ног. Горн сиреной взревел!

Табун сорвался с места и поскакал на скал отвесных выступ,
Высящийся над пропастью ущелья, ведущего в лес
Самоубийц, где гарпии истязают каждый грешный труп.

Полуконь выпустил сверху меткую стрелу, – проклятый бес!
И доктор почувствовал, как что-то острое пронзило руку.
Кони, загнав его как скота в глубь ущелья, потеряли интерес.

Закинув за спины каждый по своему смертоносному луку,
По очереди развернулись и спешно восвояси ускакали.
Так раненный ядовитой стрелой путник понял по звуку, —

Все удаляющемуся рокоту копыт, что в ночи мелькали.
Больше не в силах бежать, путник перешел на шаг,
Опираясь на валуны, что к отвесной скале примыкали.

Он подумал, как же ему повезло, что отступил враг.
Иначе, с ранением ему было бы не убежать далеко!
Внезапно земля ушла из-под ног, и он провалился в овраг!

Улетел кубарем вниз по отвесному склону! Было высоко!
Падение в бездну казалось ему бесконечно долгим...
И тут, со всего маха упав на твердь, открыл глаза бойко.

В Лес Самоубийц «повезло пробраться» лишь немногим!
Осмотревшись вокруг, скиталец осознал себя среди чашобы.
Посмотрел на рану в руке и понял, что случай непоправим.

Окружили его со всех сторон гарпии, что столь грубы.
Сидящие на пнях и ветках, они хаяли духа всячески,
Выплескивая всю гнилость неиссякаемой злобы.

Орали птичьими голосами, визжа истерически,
Обрушивая на путника весь ярый бесовской гнев, —
Картина выглядела со стороны весьма трагически!

Доктор вскочил, и одна из гарпий, на него налетев,
Вцепилась в плечи длинными изогнутыми когтищами,

И, взмыла высь, существом бестелесного духа овладев.

Но, путник вспомнил, – он лишь дух и, дернув плечами,
Выпал из тисков «мертвой» хватки и уцепился за ветвь!
Вися вниз головой, увидел вросший в дерево лик. С речами

Обратилось к духу древо, изо рта у него сочилась кровь:
«О, путник! Вызвали меня из темницы Преисподней,
Тебя молю!». И из глазницы его вылез извивающийся червь!

«Путник, здесь потерял я в бесконечных муках счет ночей!»

Песнь XIII

Внезапно, стая гарпий взмыла вверх с волной воздуха,
Снесшего странника с цепкой ветки обратно на твердь.
И улетели, вздымая пыль взмахами крыльев. До слуха

Доносился собачий лай. Дух от живого дерева оторвал жердь,
Что облегчила бы ему дальний путь в адово жерло!
Теперь он жалел, что не ходил на воскресную исповедь!

В том лесу каждое болтливое дерево вдруг замерло.
Вой псов все близился и обступал со всех сторон,
И каждый из тех гончих был готов вцепиться врачу в горло.

Путник бежал средь леса, в коем гнезда гарпий вместо крон.
Оглянувшись, он увидел оголодавшую стаю горящих глаз.
Взглянув вверх, заметил гарпий, кружащих как свора ворон.

Выбиваясь из сил, замедлил ход, обнаружив под дуплом лаз,
И в спину с прыжка был сбит с ног вождем стаи!
Тот был огромен и имел устрашающий омерзительный образ.

Разложившаяся гниющая плоть со скелета спадала кусками.
И доктора повалив, пес вплотную уткнулся с ним нос к носу.
С острых клыков капли черной слюны ему на лицо стекали.

На секунду врач подумал, что станет кормом гнусному псу,
Но на момент внимание пса отвлек хруст иссохшей ветки.
Дух оглушил зверя тростью и, нырнув в лаз, смылся из лесу!

Пал он в кротовую нору и пульсации мертвой метки
Ощущал в руке. Так дух просочился в третий пояс
Седьмого круга. Боль от раны напоминала жестокие пытки...

Удар обжигающую дюну сознание духа глубоко потряс.
Бесплодная пустыня названа была Горючими песками.
Осознав, что засасывает зыбучая пустошь, ногами затряс!

Увязнув по торс, пытался безуспешно опереться руками,
Но все глубже проваливался и неминуемо тонул в песках.
Стал скиталец одним из легиона, застряв меж содомитами!

Пульсации крови отдавались ритмичными ударами в висках.
Паника обуяла все существо духа, и он перестал шевелиться.
По горло оказался утоплен в пустынных зыбких тисках!

И на раскаленную пустыню огненный дождь начал литься.
Горящие смолистые капли выжигали грешникам кожу.

Окруженному пламенеющими песками остается смириться!

Грешной душе слева кипящая смола полностью выжгла рожу.
Не желая тлеть заживо, дух позволил пескам его поглотить.
В этой агонии он отдал бы все за зимнюю морозную стужу!

Когда он погрузился, стало невозможным воздуха заглотить.
Песок сдавил со всех сторон объятиями «змеиных колец»
И принялся жертву бездонным объемом неумолимо душить.

Задыхаясь в конвульсиях, путник подумал: «Это – конец!»...

Песнь XIV

В сумеречной бездне над песками проскользнула тень,
Устрашающая размером и немислимой формой.
Она пикировала, и, оседлав песочный дюны гребень,

Когтистыми лапами вонзилась, с силой неупержимой
Вытянув душонку путника из-под толщи песка,
По причине для него скрытой и непостижимой!

Резко взмахнув крыльями, тень взмыла ввысь. Искры блеска
Шести зорких глазниц летучего трехглавого существа
Сосредоточились на добыче в когтях. В глазах читалась тоска.

Доселе не видал скиталец такого неказистого уродства!
Несомый будто тряпичная кукла, он на беса покосился,
Чье исполинское тело, покрытое чешуей, имело сходства

С гигантским змеем. Летучий гад вверх смерчем взвился,
Закрутив в воронку шлейф песка, вздымающегося бурей
В пламенеющей пустыне Дита. И дух врача взмолился,

Ведь столь громадных несуразных он еще не видел тварей.
И в исступлении боялся даже думать о своей судьбе,
Хоть демон и избавил духа от смертельных объятий зыбей!

Демон-исполин звался Герионом, что был убиен в борьбе
С Гераклом, сыном Зевса, что подвиг тем самым совершил
Десятый! Мало кто выжил тогда в безжалостной резне.

И ныне Герион, восьмого круга страж, ко рвам спешил,
Где заточен несметный легион ожесточенных демонов
Немыслимый испуг путника рассудка окончательно лишил.

Над бездыханной пропастью летел «дракон» среди стонов.
Извивался хвост, имевший два жала ядом преисполненных.
В восьмом круге Ада заключенные – рабы его законов!

И вот снижаться стал демон-змея меж скал разрозненных,
Преодолев рубеж последний территорий Злых Расщелин,
Дух мучим был пронизывающим нитьем ран болезненных

Здесь Герион – владыка, всемогущий властелин.
Сложив крылья, он стал падать камнем вниз – в яму!
И почти рухнув, выпустил из лохматых лап среди развалин

Жертву, вновь сделав взмах и вспарив, откинул духа к сраму
Прямо на дно той ямы выгребной, где бичуемы бесами

Души грешные, встречными потоками еле бредут. Драму

Вся процессия собой представляла с ее мерзкими ужасами!
Хлысты свистели и воздух оглашали ударов глухим эхом,
Что смешивалось с изнывающими жалобными возгласами!

Не сломленный ни всеобъемлющим ужасом, ни страхом,
Путник, поднявшись с «преклоненных» Дьяволу колен,
Внезапно был оглушен женским заливающимся смехом.

Тот хохот был совсем не добр, а зол и неудержимо гневен!

Песнь XV

Скиталец окинул мельком пространство в округе,
Поначалу не видел ни зги. Глаза привыкли спустя момент,
И проявились очертания полусогнутых теней в дуге

Скалистой ямы, бредущих еле-еле. Напротив оппонент —
Демон восьмого легиона, держащий в лапах по хлысту,
Что смастерил из позвонков людей, в виде длинных лент.

И смолк тот inferнальный смех. К костяному кнуту
Лишь было приковано внимание усталого путника.
Средь бредущих грешников удар за ударом наводили смуту.

Шею духа сзади облизало нечто. Спиной он ощутил спутника.
Липкий след горел. Неуловимое присутствие напрягло жилы.
Дух боялся повернуться и узреть навязчивого проводника.

Сделав глубокий вдох, дух нашел в себе волевые силы,
И развернулся с широко открытыми от ужаса глазами.
Первое что он увидел, были приставленные к горлу вилы.

Отшельник замер словно опутанный невидимыми узами,
И, присмотревшись, увидел прекрасный женский образ,
Но с длинными черными рогами. И девица залилась слезами

Горючими и развопилась на мгновение, но замолчала враз!
Суккуб – демоническая натура с ложной внешностью
Красивейшей девы, коей ни один смертный не даст отказ!

Обольстительница высасывает ее жертв с неизбежностью
В процессе сладострастного незабываемого соития,
Заканчивающегося смертью мужчины. И с поспешностью

Бегством ее с места преступления. Не знает жалости бестия!
Первый ров восьмого круга стал пристанищем для сводников
И обольстителей, нарушавших каноны христианского бытия.

Чертовка с вилами в изящных дланях среди наемников,
Что измываются над развратниками и нечестивцами,
Застравшими тут на веке, отбывая кару насильников!

Застыла девица как вкопанная, хлопая тихо ресницами.
И стоят они с путником молча друг супротив друга.
Ошеломленному «красотой» было не пошевелить пальцами,

Попав в тугие пути всепоглощающего немого испуга!
Тут рогатая «коза» начала его «бодать» вилами, назад

Заставляя пятиться к скале. Он понял, что она-прислуга

Той дьяволицы, что наблюдала за действием сверху. Над
Рвом возвысившись, она сидела в шикарном царском ложе,
Что высечено было в скальном массиве и не имело преград,

Кроме как непреодолимой высоты. Мороз по коже
Пробежал от столь превосходящих числом темных сил!
Не видел дух взгляда мрачней чем у жрицы Ада. И строже!

Как только путник отвлекся, суккуб в рану его укусил...

Песнь XVI

Присосавшегося суккуба за рог дух резко схватил.
Второй рукой посохом по голове оглушил демоницу.
Разжав челюсти, суккуб руку путника нехотя отпустил.

Толкнув ее посохом, отдалил от себя рогатую девицу.
Та в исступлении билась и слюной истекала, стоя поодаль.
Путник беглым взглядом пытался найти лестницу,

Ведущую наверх глубокого ущелья. Лик его выражал печаль,
Ведь ничего похожего он не увидел. Лишь развалины камней
Окружали его. Дьяволица встала с ложа, и ее красная шаль

Ниспала вниз, обнажив идеальное тело до самых ступней.
Подойдя к обрыву, блудница поманила духа пальцем,
Изящно потянув за рычаг, запустивший механизм ступеней,

Выдвинувшихся из скального массива. Он был незнакомцем.
Но будто ждала она его появления, и, чтобы погубить,
Открыла путь наверх. Дух шагнул на ступень, ноя сердцем.

Теперь судьба его в ее руках. Лишь возжелав его истребить,
Секунды хватило бы ей вновь легким движением руки,
На лестничный рычаг надавив, ступени обратно сложить!

Тем самым поразвлечь себя, избавившись от адской скуки...
Так размышляя, путник наконец ступил на порог пещеры.
Имел он сдержанный вид, невзирая на болезненные муки

Гноящейся раны. Своды чертогов напоминали полусферы,
Освещенные приглушенным светом нетленных лучин.
Для Преисподней обстановка роскошна сверх всякой меры.

В «золотой» клетке жрица Ада – заложница томных кручин.
Епархия ее путаны и ночные бабочки. Проституция —
Второе имя демонессы. В ее лоне спрятаны ключи от пучин

Второй расщелины восьмого круга Ада. Началась аудиенция
Путника с властительницей распутников в ее опочивальне.
На момент дух подумал, – ждет его страстная экзекуция!

Падшая дева стояла статно с заблудшим путником наравне,
Пристально всматриваясь в его потерянное лицо.
Молчаливая пауза воцарилась, рот закрыв болтовне!

Дух отчаялся, – он никогда не придет в девятое кольцо,
И дева нарушила молчание, обратившись к нему льстиво

Певучим гласом, и указала перстом изящным на крыльцо.

Так молвила мрачная королева, очами моргая игриво:
«Вот путь во вторую расщелину! Пройдешь, только если
Упоишь жажду к сладострастию», – улыбалась фальшиво.

И ум странника преисполнили параноидальные мысли, —
Нутро противилось такому условию и отрицало разврат.
Голоса слуг до ее сведения приговор Миноса донесли,

И открыла проход ее дьявольское величество Аграт!

Песнь XVII

Выбившийся из сил путник преступил порог второй щели,
И врата захлопнулись за его спиной со скрежетом.
Сюда его, будто призраки провидения, за руку привели.

Стоя на обрыве скалистого уступа зловонной ямы, с трепетом
Наблюдал дух за грешниками, погрязшими в испражнениях,
Расплачивающихся за лицемерие и льстивость гнетом, —

Пребывают души в адских бесконечных мучениях.
Путник стоял, не зная куда ему двинуться дальше.
И, погрузившись в думы, потерялся в сомнениях...

Мрачная глубь пропасти была в разы ниже той, что раньше
Покинул он, оставив позади свиту третьей жены Люцифера.
Путник спустился в палаты, где царит дух фальши!

Внезапно, в едких клубках серного газа парящая сфера
Проявилась и стала приближаться к нему плавно.
В тот миг мнил скиталец: «Что за неведома химера!».

Внутри той сферы крепкий статный муж словно
На троне восседал. И вот поравнялись их взгляды.
Поднявшись, он духу так молвил, тихо, но гневно:

«Что привело Вас вовне? Иль частью грешников плеяды,
Что мне подчинены, Вы стать решили? Я Форас – губернатор
Пустошей Восьмого круга, а именно второй гряды!

Вашей смелости уступит и сильнейший гладиатор!
Вы проникли чрез двери, что для духов под запретом, —
Открыл их для адской знати всемогущий император!

Иль Вы из тех, что гонимы ратью Бога и Назаретом?
Что прозвучать могло бы из иных уст как абсурд.
Возможно, Вы особенный и обладаете неким секретом?

Судья Минос клеймил Вас девяткой? Но пересуд
Я с радостью устроил бы, чтобы оставить Ваш дух
Томиться в кале среди льстецов. За словесный блуд

Вы, пришлый, воистину достойны стать кормом для мух,
Что здесь роятся тучами, как и призраков легион,
Для которых мирской свет на веки вечные потух...

Я вынужден доставить Вас на грань. Как Данталион
Отдал приказ, прознав о вероломном сей проникновении.

Он – могущественный герцог, обличит, есть ль Вы шпион!».

Демон Форас был красноречив в своём откровении,
На этой фразе он умолк и стал медленно приближаться.
Путник в тот момент нуждался в его обременении,

Ведь с обрыва иного хода нет. И он не стал сопротивляться,
Позволив поглотить себя сферическому нечто из эфира.
Затем настало время в дальний путь отправляться, —

Парящая сфера устремилась вниз намерением командира...

Песнь XVIII

Губернатор Форас был общителен и разговорчив.
Повесть свою вещал путнику правдиво и откровенно!
Для демона муж этот был весьма красноречив, —

Дух внимал речам его, струящимся самозабвенно,
Пока его внимание не привлекло неспешное движение, —
Гигант-паук перебирался в симметричной паутине ленно.

Скиталец вдруг почувствовал внутри зудящее жжение, —
То невероятное любопытство его изнутри сжирало...
Тем временем летучая сфера начала к паутине снижение!

Членистоногий монстр замер на месте, завидев гало.
Восседал он в тенёте, как на престоле, выжидая жертву
Так, будто ни единое существо здесь ещё не летало.

Форас путника успокоил: «Владыка не тронет, даю клятву!
Здесь король Ваал уже целую вечность честно правит, —
Собирает он во имя мести и вероломства жатву!

В Аду он – министр, что демонов авторитетом давит,
Ведь не ослушаться главнокомандующего адской армии!
Каждый мирской льстец короля, сам того не зная, славит!

Его уродство сродни «красоте» древнегреческой ламии,
Выпивающей кровь мужчин и пожирающей заживо детей.
А если хочет спать она, то вынимает свои глаза в безумии.

Владыка Ваал испускает тысячи липких нитей.
В злопазухе второй восьмого круга его покои.
Души льстецов он поджидает, замирая среди сетей!

В его чертоге все подчиняются ему. Здесь строгие устои.
Не тронет он того, кто осуждён за другие грехи!
Прислушайся к моим речам, правдивые слова мои!

Король в гневе страшен, но не станет создавать помехи.
Ты, пришлый, для Владыки Ваала никак не угроза.
Я знаю, что говорю! Я в Преисподней извечные вехи.

Ваал ни за что не станет касаться моего летучего воза!
Минуешь здешние края под попечением моим легко!». —
Прогремел хриплый голос Баала будто разразилась гроза:

«Не смейте вы подлетать к моему Величеству близко!».
У путника в зобу дыханье сперло от ропота.

Форас огласил, что до посадки уже совсем не далеко.

Путник взволнованно вытер со лба капельки пота.
Минуя королевский стан, дух подметил его внешний вид:
Помимо коронованной головы, виднелась морда кота

И жабы на шее одной! Лягушка языком мух ловит,
Король провожает гостей пристальным взглядом,
А хищный кот мирно спит и еле слышно урчит...

Сколько же испытаний предстоит духу пройти Адом?!

Песнь XIX

В свободном полёте, будто птицы, летящие без крыл,
Преодолели они неизмеримое глазом расстояние,
Паря над головами влипших в кал лицемеров! «Прибыл

Наконец!», – подумал дух. Вдалеке виднелось яркой сияние
Постовых кострищ, зиявших на дне выгребной ямы.
Прибытием своим нарушив герцога одинокое пребывание!

Снизившись, путник узрел огромные кучи навоза, как храмы
Возведённые и имеющие схожие с ними черты.
Приземлившись, выдавлен был из сферы, как из-за рамы

С «запотевшим» стеклом. Выбрался он и увидел палаты,
Внутрь воротин пройдя, не уступающие царским
По интерьеру и роскоши такой, что и цари открыли б рты!

Состояние духа ему самому мнилось критическим!
Он медленно шагал по мраморному полу залы,
Еле влача ноги. Оглушён был внезапно нервическим

Криком, разорванным эхом на отрывки слов кары.
Не обращая внимания, отшельник продолжил путь,
Оставляя позади себя липкие зловонные следы!

Влачил свои ослабленные ноги, давя в себе жуть.
Путник слышал сотни отголосков: и смех, и плач.
Ему на встречу вылетела летучая мышь, неся суть

В свитке, привязанном на лапе, чему удивился врач!
Но все же ухитрился письмо с пролетающей твари сорвать.
В тот же миг раздался гул, – вдалеке завывл трубач.

Дрожащими руками путник смог кровавую печать разорвать.
Все померкло вокруг, – взгляд сфокусировался на тексте.
Труба неуёмно вопила, но была не способна его прервать.

Путник замер и неподвижно стоял, как статуя, на месте,
Его глаза и разум жадно поглощали иероглифы:
«Ты, смертный, умер неспроста в Христовом возрасте!», —

И вой «сирены» сменили звуки струящейся арфы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.